

«Детское чтение для сердца и разума»

Н. М. Карамзин

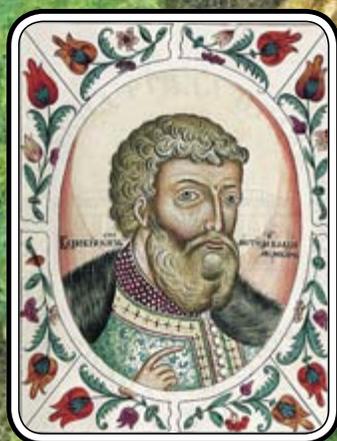
РОМАН-ГАЗЕТА

11

Детской

■ 2016 (209)

6+

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ:

Мстислав Храбрый

Владимир Смехов

*Тильд
и росомаха Маха*

ISSN 1684-0895

9 771684 089001 >

Художник Т. Погудина. «Одуванчик»

Рюрик Ивнев
ОДУВАНЧИК

Только дунь, и его не стало.
Но зачем на него мне дуть?
Это может смертельно ранить
Самого меня прямо в грудь.

Потому, как резвящийся мальчик,
Незнакомый ещё с бедой,
Я тихонько сорвал одуванчик
И поставил в стакан с водой.

Он казался мне прямо чудом
Среди многих земных чудес,
Что лежат неразобранной грудой
От травинок до самых небес.

Окружённый воздушною пеной,
Защищённый от ветерка,
Он казался послем Вселенной,
Перекинутым через века.

Так случайно иль не случайно
С детских лет мне знакомый цветок
Искрой самой глубокой тайны
Осветить моё сердце смог.

10 июня 1964, Голицыно

К. Коровин
На берегу моря
1910 г.

В номере:

3

Владимир Смехов

Тильд и россомаха Маха

17

РУССКИЙ МУЗЕУМ

Виктор Липатов

Василий Перов: живописец психологических образов

21

ЖИВОЙ УГОЛОК

Валерий Ганичев

Тук-тук

22

ДРАМКРУЖОК

Геннадий Киселёв

Кукольный волшебник

26

ЧЕСТЬ ИМЕЮ!

Светлана Вьюгина

Паром

28

ИМЕНА

Валентина Коростелёва

«Я душу вынес из огня...»

31

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК, СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК

Павел Гусев

Мама

Талантливые друзья

33

ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНИ

Екатерина Полумискова

Мстислав Храбрый

36

СТРАНИЧКА ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА

Главный редактор

Юрий Козлов

Зам. главного редактора

Екатерина Рощина

Художественное

редактирование

Татьяна Погудина

Генеральный директор

Елена Шевцова

Компьютерная вёрстка

и цветоделение

Александр Муравенко

Главный бухгалтер

Людмила Дьячкова

Зав. распространением

Ирина Бродянская

Журнал для детей среднего
школьного возраста

Выходит один раз в месяц

С 1996 года рекомендован

Министерством общего

и профессионального

образования РФ

для внеклассного чтения

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»

72766 на полугодие, **71899** на год;

в объединённом каталоге

«Пресса России»

38916 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1654 на полугодие

Учредитель: ООО «Роман-газета»

Адрес редакции: 107078, Москва,

ул. Новая Басманная, 19.

Тел.: 8 (499) 261-84-61

Факс: 8 (499) 261-49-29

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации

№ 01384 от 27 июня 1995 г.

Отпечатано

в ОАО «Первая Образцовая

типография»

Филиал «Чеховский

Печатный Двор»

(142300, Московская обл., г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1)

Факс: 8 (496) 726-54-10,

Тел. 8 (495) 988-63-87

Многоканальный телефон отдела

продаж услуг: 8 (499) 270-73-59

Сайт: www.chpd.ru

e-mail: sales@chpd.ru

Тираж 2000 экз.

В розницу цена свободная

Заказ № 5511

© «Роман-газета», 2016 г.

Выпуск издания осуществлён

при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати

и массовым коммуникациям

Авторов материалов,

использованных в этом номере,

просим обращаться в редакцию

Владимир Смехов

Тильд и росомаха Маха

Отрывок из повести «Истории про Тильда»

Художник О. Ионайтис

Тильд

Тильд — это мальчик с крылышками, ростом около двенадцати сантиметров. Он умеет летать и живёт в лесу в домике на дереве.

Однажды летом он прилетел с могучим ураганом. Когда ураган приблизился к Галичьей горе, то ослабел, а над Лесным Урочищем вообще прекратился. Тильд спустился на своих крылышках с большой высоты из-под самых облаков прямо в центр Лесного Урочища — на огромный дуб-великан с раскидистыми ветвями, который растёт на красивой поляне неподалеку от быстрой Лесной речки. Речка протекает по всему Лесному Урочищу и впадает в Широкую реку. На берегу этой спокойной и величавой Широкой реки возвышается огромная заповедная Галичья гора.

В стволе дуба паренёк обнаружил сухое дупло, вполне пригодное для жилья, а совсем рядом на поляне из-под земли бил маленький родник с хрустально-чистой водой.

Мальчик переночевал в дупле. Лес показался похожим на его родные места.

Тильд подумал и принял решение пожить здесь и подождать: может быть, новый ураган родится где-либо неподалёку или будет пролетать мимо в его сторону, и ему удастся поймать этот ветер и с ним вернуться домой? Других возможностей он придумать не мог.

* * *

Родиной Тильда была далёкая лесная гора Катарангра, такая же огромная, как Галичья гора. Там у него остался брат-близнец Мукр.

Тильд и Мукр умели и любили летать с любым ураганом, и даже с сильным торнадо! На Катарангре считалось вполне обычным делом полетать на ветре, и Тильд с Мукром часто развлекались таким образом, иногда облетая всю гору. При этом они легко выбирались из самого сильного ветра.

В тот день Тильд поймал смерч средней силы и весело летал на нём, поднявшись высоко над лесом. Но неожиданно ветер начал крепнуть, набирать силу и за несколько секунд превратился в супермощный торнадо. Тильд впервые не сумел совладать с ним. Парня подхватил самый сильный ураган в жизни!

Этот ураган оказался необыкновенно стремительным, и он промчался на огромное расстояние.

Вот так и случилось, что Тильд оказался в Лесном Урочище.

Домик и друзья Тильда

Он быстро познакомился и подружился с лесными жителями.

Первое время они спрашивали Тильда — откуда же он взялся? Паренёк обычно отшучивался — что, мол, он летает и путешествует с ураганами по всему миру и любит это дело. Но однажды рассказал, что его занесло сюда с лесной горы Катарангра против воли сильнейшим ураганом, что там, дома, на Катарангре, у него остался брат-близнец и он скучает по брату. Никто больше не расспрашивал Тильда, потому что все понимали переживания и разлуку.

Никто из обитателей Лесного Урочища и Галичьей горы никогда не слышал о Катарангре. А ведь все они общаются и друг с другом, и с другими птицами и животными, которые знают обо всём на свете за пределами Галичьей горы! Поэтому мальчик понял, что его занесло далеко от родных мест.

* * *

Среди новых друзей Тильда оказались и звери, и птицы, и даже насекомые! Они полюбили парня за добрый и весёлый характер, готовность прийти на помощь, за смекалку и ум, а также за отличные организаторские способности. Раньше, до встречи с Тильдом, каждый из них жил сам по себе, все были разобщены, и никто не дружил друг с другом. А тут он объединил их в большую и дружную компанию, и всем стало очень интересно вместе!

Так как мальчик оказался совсем один в незнакомом лесу, то первым делом друзья посоветовались и решили помочь обзавестись жильём. Зимы на Галичьей горе бывали снежные и морозные, и в дупле паренёк мог запросто замёрзнуть.

Бобр Бивер, опытный строитель и старинный житель Лесного Урочища, предложил построить домик на ветках дуба, на котором их новый друг уже поселился.

Бивер осмотрел это дерево и сказал:

— Дуб крепкий и надёжный. Он стоит ещё сто или более лет. Домик сделаем прямо рядом с дуплом, чтобы использовать его с пользой. Там толстые и густые ветки. Они растут высоко над землей, поэтому ни волки, ни лисицы, ни кабаны не смогут добраться и разрушить домик. А больше опасных зверей у нас нет. Весной, летом и осенью домик будет незаметен с поляны, даже если пройти совсем рядом. Мы его хорошенько замаскируем среди веток и густой листвы. Да и зимой, под толстым слоем пушистого снега, он будет похож на большой нарост на стволе дуба. Никто из чужих не догадается, что это домик. Отличное место!

Все согласились с этой идеей и сообща взялись за дело.

А когда строили, то сдружились ещё крепче. Так ведь всегда бывает — общее дело и работа сплачивают в настоящую дружбу.

Домик сложили из крепких толстых брёвнышек, плотно уложенных в паз и скреплённых между собой при помощи деревянных шипов. Брёвнышки обтесывал бобр Бивер — он очищал их от коры, ровно обтачивал крепкими острыми резцами, как топориком и пилой, делал пазы и углубления на концах для соединения в чашу. Этот старинный способ строительства деревянных домов бобр посоветовал как самый надёжный. Домик прочно прикрепили к стволу и ветвям при помощи длинных деревянных шипов, которые сделал Бивер, а круглые отверстия под эти шипы продолбил большой красноголовый дятел Нок — с шапочкой из красных перьев на голове.

В строительстве принимали участие рыжая белка Наушка и полосатый бурндук Броня. Они ловко поднимали брёвнышки вверх, крепили на дереве и укладывали одно на другое. Так сложили три стены домика. А четвёртой, задней стеной, стал сам дубовый ствол с дуплом.

Крышу покрыли из камыша, который в изобилии рос по берегам Лесной речки, протекающей неподалёку. Практичный и опытный Бивер сразу порекомендовал камыш:

— Камышовые крыши очень долговечные и тёплые, и совсем не пропускают воду. И растёт камыш на речке, пря-

мо под руками — сколько хочешь. В моём домике-хатке крыша тоже из камыша и отлично служит вот уже десять лет!

Бобр сам нарезал камышовые стебли и увязал их в пучки, а Наушка, Броня и Тильд перенесли к дубу, подняли наверх и укрепили на кровле при помощи сплетённой в несколько слоёв, кручёной и прочной паутины, деревянных колышков и острых шипов боярышника, кусты которого росли в лесу. Мотки паутины скатал и подарил Тильду большой паук-крестовик Робби, который жил неподалёку.

В дупле старательно поработал дятел Нок. Он проверил на прочность и простучал клювом все стенки и удалил трухлявую древесину.

— Это помещение замечательно подойдёт под спальню, — посоветовал он. Красноголовый дятел лучше всех разбирался в деревьях, потому что каждый день он обследовал и простукивал много стволов и, как лекарь в лесу, находил и уничтожал вредных насекомых, губящих живые деревья.

— Дупло сухое и воздух в нём приятный и полезный. Дупло больше не будет увеличиваться, если за ним хорошенько следить, и прожить в нём можно хоть сто лет — столько же, сколько ещё проживёт этот великан-дуб.

Тильд принял дружеский совет и оборудовал в дупле спальню. Он настелил крепкие полы и сделал люк, через который по лестнице можно спускаться в небольшую кладовку. Там, в помещении под полом, парень смастерил полки и вбил крючки в стены. Полки подходили для хранения съестных припасов, например, сот с мёдом и глиняных горшков с вареньями, или — ящичков с лесными орехами и сушёными ягодами: малиной и земляникой, шиповником и рябиной, а стенные крючки — для связок грибов и душистых лесных трав: мяты, зверобоя и ромашки.

Для надёжности и прочности Бивер помог изготовить двойные двери, а в окно Тильд вставил два прозрачных стёклышка, которые нашёл на берегу Лесной речки.

Чтобы жильё не продувалось холодными ветрами осенью и весной, сохраняло прохладу в летнюю жару, и тепло — в морозную зиму, Тильд тщатель-

но проконопатил мхом стены и обмазал воском и глиной все щели. Воск принёс Жур — большой мохнатый золотисто-чёрный шмель, а место с хорошей глиной на речке показал Бивер.

Маленькую печь-камин и дымоходную трубу парень сложил из глиняных кирпичиков под руководством Бивера. Бобр давал ценные советы, как лучше соорудить эту печь-камин, чтобы она давала больше тепла всему жилищу, годилась для приготовления пищи и не дымила.

Парень смастерил кровать, стол, несколько табуреток и полок для посуды и разных вещей.

Жилище получилось замечательное — удобное, просторное, надёжное и тёплое!

Большая розовая стрекоза Золя собрала из цветов, листьев и трав красочную картину-панно прямо на стене внутри домика. Золя, артистическая натура, придумала её, когда домик был уже совсем готов. Перед тем как присту-

пить к работе, она осмотрела комнату, чтобы выбрать хорошее место для картины:

— Надо, чтобы свет падал правильно! Я соберу картину из цветов с Хризантемовой поляны — как будто её кусочек будет у тебя дома на стене! Когда-нибудь ты там побываешь и сам увидишь, какая она яркая и необыкновенная!

И, когда домик был построен и украшен, Тильд пригласил друзей на новоселье. Все принесли подарки: Наушка и Броня — орехи и ягоды, Жур — сот с мёдом. Робби — шторы-занавески на окна, бельё для постели и одеяло, которые он соткал из паутины. Бивер подарил несколько глиняных горшочков для съестных припасов и воды, а дятел Нок — набор деревянных ложек, которые выдолбил из берёзы умелым клювом. Золя, считающая себя неотразимой модницей и красавицей, нашла на берегу речки маленький кусочек настоящего зеркальца и принесла его Тильду в подарок со словами:

— Почаще заглядывай в него. Будь всегда красивым и опрятным! Тогда тебя все будут любить!

Славно и весело отметили друзья новоселье Тильда на поляне около столетнего дуба!

Беда в лесу

А наутро птицы разнесли недобрые вести: в лесу появился лютый разбойник — злой зверь росомаха. Она сразу начала лазать по деревьям, разорять птичьи гнёзда и нападать на всех, кто встретится на земле. Досталось даже барсуку Баджеру. Он еле-еле успел спрятаться от её острых зубов и когтей в своей глубокой норе.

— Беда, беда! Росомаха, чёрная росомаха! — кричали птицы на весь лес.

— Она разоряет наши гнёзда, ворует яйца и пожирает маленьких птенцов! Беда, беда! — щебетали птицы, летая среди деревьев и кружа над лесом. Они ничего не могли поделать с крупной и свирепой хищницей, которая занималась кровожадным разбоем прямо у всех на глазах.

Птицы храбро нападали на росомаху, защищая свои гнёзда, но она легко от-

махивалась длинными когтистыми лапами, а сквозь густую и жёсткую косматую шерсть птичьей клювы не наносили ей никакого вреда.

Наушка и Броня прибежали к Тильду посоветоваться, что делать и как защищаться?

Они решили отправиться на разведку, чтобы увидеть этого зверя. По громким крикам птиц друзья быстро обнаружили злобного пришельца. Росомаха ловко спускалась с дерева, цепляясь за ствол сильными лапами с длинными когтями. Она только что съела два яйца из гнезда иволги. Иволга громко плакала, а росомаха не обращала на это никакого внимания. Главное — она была сыта, поэтому медленно и лениво пошла по лесу прочь от дерева.

Около густого кустарника хищница присела на задние лапы, осмотрелась и зевнула, широко открыв пасть с большими острыми зубами. Потом потявкала, как лисица, улеглась и заснула.

Друзья хорошенько рассмотрели её. Зверь был величиной с собаку, с большой головой и удлинённой тупой мордой, похожей на кошачью. Внешне росомаха напоминала барсука — тело приземистое, мощное и неуклюжее, задние лапы длинные, а передние — короткие. Хвост небольшой и пушистый, а шерсть — густая, грубая и косматая, чёрного цвета.

Росомаха обладала острым слухом и чутьём — когда сверху с дерева, где прятались и наблюдали Наушка, Броня и Тильд, на землю упали кусочки коры, она сразу подняла голову, насторожила уши и стала прислушиваться и принюхиваться, внимательно всматриваясь наверх, в крону дерева. Белка и бурундук успели быстро шмыгнуть за ствол, а Тильд, чтобы отвлечь внимание, вылетел из-за дерева и начал бесстрашно носиться кругами перед её мордой.

Зверюга очень удивилась такой смелости маленького летающего мальчика. Она привыкла, чтобы её все боялись, и попыталась нехотя и лениво отогнать Тильда лапой. Но паренёк ловко увернулся, подобрал с земли две сосновые шишки и метко бросил, попав ей прямо в кончик носа.

Тут хищница от неожиданности взревели, рассвирепела и бросилась на Тиль-

да. Да куда ей — неуклюжей и тяжёлой, было угнаться за быстрым и ловким парнем. Он дразнил её, уводя всё дальше и дальше — к речке с высоким обрывистым берегом. А она прыжками гналась следом. На берегу Тильд встал на самый край речного обрыва, повернулся лицом к приближающейся росомaxe и, приплясывая, продолжал звонко и обидно обзывать и корчить рожи. Разъярённая хищница с разбега прыгнула вперёд. Тильд увернулся, и тяжёлая косматая чёрная туша пролетела мимо, плюхнулась с высокого обрыва в реку, больно ударившись о воду брюхом и подняв большущий фонтан брызг!

Но росомaxи — прекрасные пловцы! Выбравшись на берег, она уставилась на Тильда злобными блестящими глазками, зарычала и затавкала:

— Я — большая росомaxа Маха! Ещё никто не смел так дразнить и унижать меня! Я поймаю тебя, откушу голову, оторву руки-ноги и крылышки, а потом — съем, наглый и противный маль-

чишка. Я не прощаю насмешек и обид, берегись!

Она отряхнулась, подняв тучу брызг, и, вся взъерошенная, похожая на большую чёрную мокрую кучу торчащей в разные стороны шерсти, косолапо переваливаясь, угрюмо ушла в лес.

Совет на берегу речки

Тильд прекрасно услышал эти угрозы, и, конечно, он понимал, что злопаятная и кровожадная хищница скоро найдёт и разрушит его домик. Силы в мощных когтистых лапах было хоть отбавляй. Надо было что-то срочно предпринимать.

На лес опустился вечер, и Тильд собрал на совет всех своих друзей на берегу речки. Бивер, Наушка, Броня, Нок, Жур, Золя и Робби сели в кружок. Первым взял слово бобр Бивер.

— Я живу здесь уже очень давно, но никогда сюда не заходили росوماхи! Только много-много лет тому назад, когда я был совсем маленький и мне рассказывал отец, как в наш лес забрела однажды такая же злостная росوماха. Попробовала похулиганить. Но моя семья — все бобры, собрались и чуть не утопили её. И прогнали с позором! И с тех пор не было ни одной. Удивительное дело! Какая наглость! Откуда она взялась?

Бобр разволновался и рассердился не на шутку:

— Надо её проучить так, чтобы никогда больше ни эта, никакая другая росوماха к нам не приходила! Лесная молва разнесёт по всему Лесному Урочищу, по всей Галичьей горе, что здесь всяким злобным росوماхам не место и всегда дадут отпор!

А тут же, одновременно, перебивая друг друга, затараторили две торопыги — бурундук Броня и белка Наушка:

— А давайте мы все вместе забросаем её сосновыми и еловыми шишками и — палками!!

— А давайте на неё налетит Жур со своей семьёй и с друзьями, и они закусуют её, а Нок позовёт других птиц, и они все вместе — заклюют её!!

— Да у неё же шерсть густая и жёсткая, как броня, ни один шмель не прокусит, и птиц она отгоняет шутя-играючи, — возразил Тильд, а Нок согласно кивнул головой в красной шапочке.

Но белка с бурундуком не унимались:

— А давайте мы все вместе нападём и столкнем её в воду... нет — в яму... и побьём палками... и привяжем к дереву, чтобы не убежала...

Идей оказалось очень много. Тильд и Бивер выслушали всю эту, казалось бы, бесполезную болтовню, не перебивая. И, когда белка и бурундук, наконец, замолчали, чтобы перевести дух, заговорил бобр:

— А что, у Брони и Наушки есть хорошие мысли, как ты думаешь, Тильд?

Паренёк согласно кивнул.

— Есть идея, — тихо произнёс Тильд, — сделаем ловушку.

Он обвел всех взглядом. И друзья поняли, что есть план.

— Первое, — начал он, — надо найти барсука Баджера и пригласить его сю-

да. Нок, слетаешь за ним? Прямо сейчас!

— Конечно! — Дятел тут же улетел в лес.

— Яма нужна? — догадался Бивер.

— Да... и глубокая, только Баджер справится с такой задачей.

— Второе, кто-нибудь знает, где у нас в лесу растёт дерево с крепкими и гибкими ветками, которые можно было бы согнуть до земли?

— Я знаю, и я знаю, — наперебой затрещали Броня и Наушка, — тут недалеко, на самом берегу, растёт ива, она нам подойдёт, у неё ветки крепкие и гибкие...

— И я знаю эту иву и место, где она растёт, — подтвердил неторопливо Бивер, — только там яму не выкопаешь, потому что речная вода совсем близко и яму сразу затопит.

— Так, понятно, — задумался Тильд, — ещё есть идеи?

— В лесу на поляне растёт вяз, — сказал шмель Жур, — у него ветки упругие и гибкие. Когда сильный ветер, они гнутся, но никогда не ломаются. Нижние ветки — длинные и подошли бы нам, но они растут высоко. Их, конечно, можно склонить до земли, но для этого нужна большая сила...

— Да, да, — опять перебили Наушка с Броней, — и мы знаем этот вяз, но тут даже у Бивера вместе с нами сил не хватит. Для подмоги нужен Баджер! Он такой же большой и сильный, как и Бивер!

— Правильно, торопыги, — усмехнулся в усы бобр, — скоро придёт Баджер, и уж вдвоём-то мы справимся!

Он сказал это так уверенно и спокойно, что белка с бурундуком сразу же успокоились и замолчали.

— Но там много наших шмелиных нор, — забеспокоился шмель, — поэтому копать яму надо осторожно, я покажу, где можно.

— Отлично! — обрадовался Тильд, — этот вяз нам пригодится!

— Робби, — обратился он к пауку-крестовику, — теперь вопрос к тебе. Нужно много паутиной верёвки, но не простой, а самой крепкой и толстой, и скрученной много-много раз... такой, чтобы смогла удержать и согнутую ветку, и росوماху на весу.

— А она тяжёлая?

— Большая россомаха... килограммов пятнадцать-двадцать, наверное.

— И сколько метров нужно?

— Сейчас узнаем. Жур, подходящие ветки растут высоко над землёй?

— Примерно, как твой домик.

— Значит, метра три. Робби, понадобится метров пять, чтобы с запасом хватило.

— Сделаем. Позову своих друзей. Всю ночь плести будем. А ты скоро туда прилетишь?

— Через полчаса.

Робби задумался.

— Жур, Золя, есть идея, помогайте! Возьмите веточку в лапки, я прицеплюсь к ней посередине и — полетим! Если пешком, то будет долго, и не успеем. Три моих друга в разных концах леса живут. Надо быстро собраться всем вместе на вязе.

Так и сделали. Жур и Золя с пауком Робби улетели, а на берегу показался барсук Баджер с красноголовым дятлом Ноком на спине.

— Привет лесному народу, — поздоровался он и улёгся на траву рядом с Бивером. — Что случилось? Чем могу помочь?

Баджер жил один как отшельник в своей норе в лесу; близкую дружбу он ни с кем не водил, но всегда помогал, когда друзья просили, а особенно он уважал Бивера.

— Надо изловить россомаху, — ответил Бивер, — беда от неё нашему лесу! Поможешь?

— Обязательно помогу. Эта разбойница и на меня нападала. Я дал ей решительный отпор, но едва успел спрятаться в своей норе! Такие страшные зубы и когти... Бр-р-р-р!! Я с вами, конечно, что нужно делать?

— Мы придумали ловушку. Надо вырыть яму — большую и глубокую, около вяза на поляне — там, где живут шмели. Знаешь это место? — спросил Тильд.

— Да. — Барсук кивнул головой.

— Сможешь сегодня начать?

— Да.

— Отлично! Тогда рассказываю план, как будем ловить россомаху.

Все низко склонились друг к другу. Тильд говорил тихо, чтобы никто из посторонних не подслушал и не донёс врагу.

Подготовка

На рассвете Маха проснулась у большого поваленного дерева, где она устроила себе логово. Потянулась, зевнула, открыв зубастую пасть, и сразу насторожилась — чуткий слух уловил шелест сухой травы и листьев и треск сломавшейся сухой веточки. Кто-то ходил неподалёку. Росомаха подняла голову и принялась — вкусно запахло чем-то съестным — какая-то добыча находилась совсем рядом!

Она осторожно выглянула из-за поваленного дерева и увидела совсем рядом на маленькой лесной полянке, расположенной между высокими густыми елями, большого и толстого глухаря — он ходил по траве и что-то клевал, наклоняясь к земле. Махе сразу захотелось съесть этого глухаря, — даже слюнки потекли от голода!

Глухарь завтракал, не подозревая, какой зверь наблюдает за ним из засады. Тонкая сухая ветка ещё раз треснула под ногой тяжёлой неловкой птицы, сухой листок зашуршал — это крупный жук убегал, пытаясь спрятаться, но глухарь ловко клюнул его и приблизился ещё на два шага к месту, где затаилась росомаха. Неуклюжая птица так увлеклась поисками пищи — жуков и червячков, что потеряла всякую осторожность.

Маха прижалась к земле и приготовилась к прыжку. Ещё секунда — и жирная добыча попадёт к ней в когти!

Но тут из густых хвойных веток высокой ели, увешанных шишками, высунулась рыжая мордочка Наушки. Сверху вся поляна была видна ей, как на ладони, и белка мгновенно поняла, что лесную птицу ждёт смертельная опасность.

Наушка изо всех сил заверещала, сорвала маленькую шишку и бросила в глухаря. Она попала в спину птицы и отскочила, как мячик, не причинив никакого вреда. Но главная цель Наушки была достигнута — птица испугалась, закричала, замахала крыльями и побежала прочь от поваленного дерева, разгоняясь перед взлётом.

Белка моментально бросила вторую шишку в росомаху, готовую прыгнуть вперёд из засады и схватить глухаря.

Но не тут-то было! Шишка попала хищнице в глаз прямо перед прыжком и сбила прицел. Маха прыгнула — и промахнулась, а глухарь уже взлетал, как большой чёрный пузатый самолёт.

Свирепая хищница разъярилась, подняла оскаленную морду вверх, увидела белку, злобно затавкала, одним прыжком оказалась у ели и полезла вверх по стволу.

— Ну, берегись, маленькая белка, сейчас я тебе задам трёпку, вот только доберусь до тебя! — Она громко ругалась, забираясь всё выше.

— Ха-ха-ха, неуклюжая Маха, косматая и кривоногая, промахнулась, промахнулась! — громко дразнила Наушка. Она и не думала убегать, подманивая росомаху поближе, и даже бросила ещё две шишки, которые попали ей в нос.

Маха подкрадывалась всё ближе и ближе. Наушка ловко перебежала на край длинной ветки и принялась раскачиваться вверх и вниз, как на качелях, продолжая обидно обзывать и внимательно наблюдать — и тут росомаха прыгнула вперёд, растопырив когтистые лапы, чтобы сцапать свою обидчицу. В этот же миг белка оттолкнулась и легко перелетела на соседнее дерево, а колючая ветка распрямилась и так больно хлестнула иголками зверюгу по глазам и по носу, что та сорвалась, громко визжа, мешком полетела вниз и больно ударилась боком о землю. Но Маха тут же вскочила с намерением броситься и растерзать Наушку. Маленькая белка быстренько спустилась поближе к земле, чтобы посильнее разозлить свирепого врага, и, продолжая громко дразниться, ловко перепрыгнула на соседнее дерево, совсем низко над землёй. Росомаха прыжками погналась следом.

Здесь к белке подскочил Броня. Вчера вечером, на совете около речки, им было дано задание — утром найти и увести злобную разбойницу подальше от места, где Тильд с друзьями строили ловушку. Бурундук проспал рассвет и не успел вовремя на полянку для встречи с Наушкой. И вот теперь они встретились и вдвоём расстарались уже вовсю: в два звонких голоса на весь лес — дразнилками и точными бросками шишек, желудей и веток — бурундук и белка вконец разъярили росомаху. Они замани-

вали её всё дальше и дальше от поляны с вязом, а Маха громко и визгливо тявкала, ругалась и упрямо преследовала двоих друзей. Она решила во что бы то ни стало догнать и наказать этих наглых и вредных зверюшек! Ведь вокруг столько птиц и зверей насмеялись над ней! Гнев и злоба переполняли Маху.

Строительство ловушки

Около вяза ещё накануне вечером закипела дружная работа.

Жур и Золя доставили по воздуху Робби и троих его друзей — таких же крупных пауков-крестовиков.

Жур показал Баджеру место, где можно было рыть яму, чтобы не повредить шмелиные норы. Это место оказалось как раз под концом длинной гибкой ветки, растущей на высоте около трёх метров.

Тильд осмотрел её и остался доволен:

— Это наша главная ветка, — заключил он, — на неё мы поймем Маху.

Барсук, лучший в лесу копатель нор, сразу принялся за дело. За ночь ему предстояло вырыть глубокую яму глубиной в два метра с отвесными стенами, чтобы из неё никто не мог выбраться.

Тильд посоветовался с Робби, и четыре паука, выбрав кончик другой ветки, более высокой, чем главная, — примерно на пятиметровой высоте, начали плести кручёную паутинную верёвку. Каждый из них поочередно обматывал её паутиной, быстро, отвесно вниз, спускался в землю, крутясь вокруг предыдущей паутинной нити, обвивая её своей, закреплял конец на корне дерева и челноком поднимался вверх. Получалась толстая и очень прочная кручёная верёвка.

Тильд, Нок и Бивер сделали волокушу — сухопутные сани из веток, и бобр, как самый сильный, оттаскивал на ней в лес землю, которую барсук выкапы-

вал и выбрасывал из ямы. В лесу бобр раскидывал землю в разные стороны и возвращался за новым грузом. А Нок и Тильд накидывали на неё ветки, листья и траву, чтобы осторожная и хитрая Маха ничего не заметила, окажись она рядом.

Работа шла быстро. Каждый делал своё дело.

Жур, вместе с другими шмелями, сторожил, облетая поляну кругами. Они были готовы напасть и отвлечь росомаху, если бы она вдруг случайно забрела бы сюда.

Так прошла ночь. На рассвете и Баджер, и Робби с друзьями закончили свою работу. Барсук прорыл боковой лаз, через который бобр Бивер смог бы пролезть к нему в яму, чтобы достроить ловушку, а потом они вдвоём выбрались бы оттуда.

— Нок, давай верёвку сюда. — Тильд показал на конец главной ветки над ямой. Дятел подцепил её клювом и перенёс мальчику, где он завязал её двойным узлом.

— Робби, а теперь крепите её к ветке.

Четыре паука быстро-быстро закрутились, опутывая узел клейкой паутиной. Скоро здесь образовался плотный паутинный шар, намертво прикрепившись к гибкой ветке. Нижний конец верёвки Тильд сбросил в яму. Там его подхватили Баджер и Бивер, который уже спустился по боковому лазу к барсуку.

Тильд велел им тянуть и нагнуть ветку как можно ниже — до верхнего края ямы. Вдвоём они справились с этой задачей, и упругая ветка, как удочка с натянутой леской, согнулась над землёй.

Тильд осмотрел её и скомандовал:

— А теперь потихоньку отпускайте.

Ветка распрямилась, как будто ничего и не было.

— Надо придумать простую ловушку в яме. С верёвочной скользящей петлёй на конце. Когда росомаха свалится вниз, то попадёт в неё, петля захлестнётся, ветка распрямится и выдернет зверя вверх. Друзья, у кого есть идеи? — спросил Тильд.

— Есть идея, Тильд, — Бивер крикнул из ямы, — давайте ветки сюда.

Дятел и мальчик слетали за ветками и сбросили их бобру.

Он смастерил простенькую ловушку со скользящей петлёй на конце. Потом

они вдвоём с Баджером ещё раз согнули ветку, закрепили верёвку на длинных кольях, вбитых в стенку ямы, разложили петлю на веточках на дне и осторожно вылезли друг за другом через боковой лаз. Барсук завалил лаз землёй. Друзья накрыли яму тонкими длинными прутьями и ветками и для маскировки набросали сверху листьев и травы — чтобы ровная поляна не вызывала подозрений.

К полудню работа была закончена, ловушка готова к поимке врага. Со стороны даже самый придирчивый и внимательный наблюдатель не заметил бы ничего подозрительного — на поляне рос одинокий вяз с согнутой и склонившейся до травы веткой. А мало ли отчего она могла согнуться? Может быть, её кто-то немного надломил, а может быть, она и выросла такой?

Тильд отправил всех отдыхать: во-первых, все устали за ночь, особенно — Бивер, Баджер и пауки-крестовики, а во-вторых — на поляне не должно быть никого постороннего, чтобы росомаха ничего не заподозрила.

Бобр Бивер ушёл на реку, барсук Баджер — в свою нору, пауков-крестовиков: Робби и его друзей — Жур и Золя доставили по домам таким же способом, как и сюда, — перелётом по воздуху на палочке, — и сами тоже отправились по домам.

А Ноку Тильд дал новое задание: он попросил найти Наушку и Броню и сообщить им, что ловушка готова, пора возвращаться на поляну и вести сюда росомаху.

Сам парень уселся на дереве над ямой и остался караулить, чтобы никто случайно не провалился в замаскированную яму.

Погоня в лесу

Нок, пролетая по лесу, спрашивал у других птиц, не видели ли они бурндука Броню, белку Наушку и злобную чёрную росомаху, которая гналась за ними? И, конечно, многие их видели и слышали — погоня была очень шумная, и все радовались, что белка и бурндук сильно раздражили, разозлили и закидали шишками лютую зверюгу и

заставили её целый день бегать, тявкать и ругаться на весь лес.

Скоро дятел увидел всех троих. Белка с бурундуком сидели на ветках большой мохнатой ёлки, бросались в росомаху шишками и громко обидно обзывались. Вокруг сидели птицы, чирикали и насмеялись, а Маха тяжело дышала, высунув язык, ходила кругами вокруг дерева, подняв трубой короткий хвост, злобно смотрела наверх и скалила крупные клыки.

Нок уселся рядом так, чтобы его не было заметно, постучал клювом по стволу, привлёк внимание друзей и тихо сказал:

— Вам надо разделиться. Один пускай напрямик бежит на поляну к Тильду. Ловушка готова, и Тильд ждёт. А другому надо ещё немного позлить и задержать Маху здесь, а потом привести её туда же.

Броня принял решение:

— Наушка, ты дуй на поляну к Тильду, а я чуть позже приведу росомаху.

И он закричал громче прежнего:

— Ну что, лохматая толстуха, устала, запыхалась?? Ты — неповоротливая, некрасивая, прожорливая и жирная мохнатая бочка на четырёх ногах, попробуй, поймай меня!

Тут бурундук совсем расхрабрился и, чтобы посильнее раззадорить хищницу, спустился по стволу почти до самой земли и помахал пушистым хвостом перед носом и даже пощекотал ноздри у росомахи. Она опешила от такой наглости, громко чихнула и бросилась вперёд, вцепившись когтями в то место, где мгновение назад сидел Броня. Шустрый бурундук успел соскочить на землю и стремглав прыжками пронёсся на соседнюю берёзу. Он очень рисковал, потому что на земле бурундуки совсем не такие ловкие, как на деревьях, и быстро устают. Росомаха сразу же прыгнула следом. Она совсем забыла про белку. Её целью стал полосатый и наглый бурундук. Росомахи очень выносливые и злопамятные. Теперь Маха намеревалась преследовать Броню до конца, пока не поймает и не съест! Броня же продолжал играть с огнём, прыгая перед носом у хищного зверя и иногда перебегая по земле, чтобы посильнее разъярить Маху. Он понимал опасность для своей жизни, но у него было важное

задание, которое он был обязан выполнить.

Наушка поднялась на верхние ветки ели, раскачалась, оттолкнулась и, как маленький рыжий самолётик, перелетела на соседнее дерево. Потом — на другое, а потом ещё и ещё. Скоро белка оказалась на краю леса, сбежала по стволу на землю и прыжками устремилась по поляне к вязу. Там её встретили Тильд и Нок.

— Нок, лети на помощь к Броне, — сказал Тильд, — постарайся отвлечь росомаху. Броня пускай останется на дереве, он не сможет убежать от неё на поляне, а Маха должна быть здесь. Подмани её!

Красноголовый дятел немедленно улетел в лес, где уже слышались звуки погони — это приближались Броня и Маха.

Тильд наклонился к уху белки и зашептал:

— Теперь надо сделать вот что...

* * *

На поляну выскочила чёрная, всклокоченная, тяжело дышащая Маха. Она смотрела наверх — на крайнюю сосну, где сидел Броня.

Вдруг совсем рядом на траву упал большой красноголовый дятел. Он неуклюже запрыгал прочь от неё в глубь поляны, в направлении вяза с ловушкой:

— Ой-ё-ёй, моё крыло, ой-ё-ёй, как больно! — пронзительно и жалобно закричал Нок, испуганно оглядываясь на росомаху.

Он притворялся очень старательно. Одно его крыло действительно волочилось по земле как будто сломанное, а сам он неловко ковылял и подпрыгивал, изображая подбитую птицу.

«Лёгкая добыча, — подумала Маха, — наглый полосатый бурундук никуда от меня не денется, а позавтракать подбитой птичкой я смогу прямо сейчас».

Она переключила внимание на Нока и стала подкрадываться.

Броня был на время забыт. Он сидел на сосне и прекрасно видел сверху, что происходит на поляне. Зоркий бурундук усмотрел Тильда на вязе и Наушку на поляне рядом со странно согнутой дугой веткой. Броня ведь не знал, как устроена ловушка!

А Маха крадучись шла следом за птицей. Дятел сидел на месте, с беспокойством глядя на приближающуюся хищницу. Потом он кое-как перелетел на полметра вперёд, сел на траву, громко вскрикнул, как будто от боли, и опять оглянулся. Маха прибавила шаг.

Нок искусно изображал подраненную птицу — как только Маха приближалась для последнего прыжка, он сразу перелетал чуть вперёд, поближе к вязу, подманивая голодную, сильно уставшую и поэтому потерявшую бдительность росомаху.

И когда Нок был уже совсем рядом с деревом, вдруг громко и жалобно запи-

щала Наушка, привлекая внимание росомахи:

— Ой-ё-ёй, дятел Нок, миленький, помоги мне, я вывихнула лапку и совсем не могу двигаться!

Она лежала на травке под деревом у согнутой ветки — над замаскированной ямой-ловушкой, смотрела на Нока и на Маху, и из её глаз покатались слезинки. Вот какая актриса и притворщица была белка!

А дятел в последний раз взлетел и сел рядом с Наушкой, опустил якобы подбитое крыло на траву, и они хором закричали, каждый своё.

— Ой-ё-ёй, как больно, моё крыло... ой-ё-ёй, моя лапка, совсем не могу двигаться. — При этом они зорко поглядывая на росомаху, которая была уже совсем рядом — на расстоянии последнего прыжка.

Ловушка сработала

Маха узнала свою обидчицу — рыжую белку:

— Ага, вот ты и попалась! Не будешь больше смеяться над Махой!

Сейчас я вас съем, обоих! — И она, забыв про осторожность, прыгнула вперёд на рыжую белку и на красноголового дятла, широко открыв зубастую пасть и растопырив огромные острые когти, чтобы сразу схватить обоих.

Фр-фр-фр — это взлетел Нок.

Ш-ш-шик — белка мягко оттолкнулась, вскочила на согнутую ветку,

крепко вцепившись в неё острыми коготками.

Хрясь-бум — ошарашенная росомаха приземлилась на то место, где только что находились Наушка и Нок, тонкие маскировочные прутья и ветки проломались под её тяжестью, и она с треском свалилась в яму.

Там Маха сразу же сбила колышки в земляной стенке, которые удерживали согнутую ветку вяза, и попала задними лапами в петлю. Колышки освободили верёвку, гибкая ветка со свистом распрямилась, захлестнув скользкую петлю на лапах росомахи, и Маха, как пойманная рыба на удочке, выдернулась из ямы, повиснув вниз головой.

Лютая Маха беспомощно болталась, извивалась, страшно ругалась, грозила растерзать и сожрать всех, кто её окружал: Тильда, Наушку, Броню и Нока. Но она была бессильна освободиться — сколько ни пыталась, не могла дотянуться до своих лап, накрепко стянутых крепкой петлёй.

Стемнело, наступала ночь. Друзья решили оставить пленницу подумать до утра. Они не боялись, что она сбежит. Росомаха висела прямо над глубокой ямой, в которую непременно свалилась бы, если каким-то чудом смогла бы освободиться. Ловушка оказалась простой и надёжной. Самостоятельно вырваться из неё не было никакой возможности. А друзей, которые пришли бы на помощь, у злобой и кровожадной хищницы не было никого. Многим она успела навредить.

Перевоспитание Махи

Тильд с друзьями ушли спать. Росомаха провисела на ветке вниз головой всю ночь. Весть о том, что разбойницу поймали, быстро облетела лес и многие пришли и прилетели посмотреть на неё.

Утром друзья собрались около вяза. Здесь были все, кто принимал участие в охоте: Броня и Наушка, Жур и Золя, Робби с друзьями, Бивер и Баджер, Нок и Тильд.

Они держали совет — что дальше делать с росомахой.

На ветках сидели птицы, чьи гнёзда разорила злодейка. Конечно, они хоте-

ли её смерти, а некоторые предлагали даже выклевать ей глаза! Но все понимали, что решение будет за советом.

Маха чувствовала, что её дело совсем плохо, и помалкивала.

— Какие будут предложения? — спросил Тильд.

Друзья задумались. Всё-таки она была лесным жителем. Пусть хищным и злобным, но... может быть, она перевоспитается? Тогда такой сильный союзник мог бы пригодиться в будущем. Мало ли какая беда ещё придёт в их лес? Мало ли какой нежеланный гость ещё может нагрянуть? Все посмотрели на Тильда. Ждали, что он скажет.

— Ну что, Маха, — сказал он строгим голосом, нахмурил брови и грозно взглянул на пленницу, — что нам с тобой делать? Ты принесла много горя и бед жителям нашего леса, но мы быстро поймали тебя в ловушку. Видишь, как нас много? Мы дружим друг с другом и никому не позволим разбойничать здесь! Что скажешь?

Росомаха скосила глаза на Тильда, зажмурилась и тяжело шумно вздохнула: Что тут можно сказать? — подумала она.

Она много думала — всю ночь! И теперь ей вдруг стало даже стыдно, впервые в жизни! — за разорённые птичьи гнёзда, за съеденных маленьких птенчиков и яйца... и ещё Маха вдруг поняла, что, хотя она и попалась и её могут запросто убить или заморить голодом в

этой яме, они не собираются убивать! Они задумались. Они могут её простить! Она чувствовала это! И решила просить прощения.

— Простите меня, — еле слышно протыкала Маха. Она ещё ни разу в жизни, никогда — и ни у кого — не просила прощения.

— Что-что? Не слышу! Громче! — строго прикрикнул Тильд.

Он хотел, чтобы на поляне все услышали слова прощения от росомахи Махи.

— Простите меня, я больше не буду хулиганить и разбойничать... я не принесу больше никому горя в лесу! И... не выгоняйте меня, пожалуйста. Я —

сильная, я буду вас защищать! — вдруг попросила Маха.

Ей очень захотелось остаться жить здесь, в этом лесу, вместе с такими дружными и совсем не злобными обитателями. Здесь все друг за друга — горой... А она — всю жизнь одна... Может быть, и она когда-нибудь подружится с ними...

— Ну что? — спросил Тильд у своих друзей, — что скажете? Какие будут предложения?

— Я за то, чтобы дать ей шанс исправиться, — произнёс Бивер, — пускай годик поживёт на окраине леса, а мы присмотримся к ней и потом решим, пускать её или нет.

Друзья Тильда согласились с таким решением, и Тильд громким голосом объявил его, чтобы слышали все жители леса, кто был на поляне. А кто не был — тем сообщат. Лесная молва — быстрая почта!

Некоторые птицы покричали и повозмущались, потому что им хотелось более сурового наказания, но быстро успокоились и разлетелись по своим птичьим делам.

Справедливости ради надо сказать, что хотя Маха и разоряла гнёзда, но не до полного конца — она всегда оставляла по одному-два птенца и по одному-два яйца в каждом гнезде, по-своему понимала честь лесной охотницы и хищницы. Птицы ведь должны размножаться, и лесная жизнь — продолжаться. Маха являлась частью этой жизни, и лесные законы она никогда не нарушала.

Робби с друзьями-пауками перегрызли паутинную верёвку, и Маха мешком рухнула вниз. Бивер и Баджер принесли из леса две длинные жердины и опустили их яму. По ним росомаха с трудом выбралась наружу, поблагодарила всех и медленной косолапой походкой отправилась на край Лесного Урочища, где ей теперь предстояло жить... и заслужить право остаться в лесу!

А Тильд с друзьями всей гурьбой отправились на озеро — отдохнуть, позагорать, искупаться и обсудить выполненное дело.

Так Тильд организовал первый отпор общему сильному и кровожадному врагу и стал душой и сердцем лесной компании — своих друзей.

Василий ПЕРОВ

Василий Григорьевич Перов (1834—1882) — один из основоположников русской реалистической живописи второй половины XIX века, член-учредитель Товарищества передвижных выставок. Жил и работал в Москве.

Все страдания мира отражались в этом оцепеневшем человеке. Достоевский словно сидит в огромном бездонном космосе. Не все-сильный, не Бог, обыкновенный интеллигент своего времени. Любопытна деталь — у всех портретируемых Перовым глаза светятся, они с искоркой, лишь у

Автопортрет. 1870 г.

крестьянина Фомушки-сыча недоверчиво-скептический тусклый взгляд да у Достоевского глаза

темным-темны. Они темны от страданий.

Перед нами многое переживший и испытывавший, многое повидавший человек. Властитель дум, уже знаменитый писатель, автор «Униженных и оскорблённых», «Преступления и наказания», «Идиота»...

Достоевский талант Перова чтит. О картине «Проповедь на селе» отозвался: «Тут почти вся правда»; об «Охотниках на привале»: «Что за прелесть!»; о портретах: «Угадывает главную мысль лица».

Перов пришёл к Достоевскому со своей правдой, и

Охотники на привале. 1871 г.

Проповедь на селе. 1861 г.

писатель, который в то время уединялся в своём кабинете и никого видеть не хотел, с Перовым сдружился, принял его, услышал его «горячую проповедь» и откликнулся на неё. Потому и портрет удался и стал «мучительно-прекрасным», по мнению Крамского, од-

ним «из лучших портретов русской школы».

Перова находили умным, желчным, иронично-самолюбивым. И вместе с тем, вспоминает К. Коровин, замечалось в нём что-то детское. Он был одновременно и суров, и беззащитен. А на автопортрете представился сильным и

властно-мрачноватым. Повернулся к нам требовательно, словно бы именно он взыскующий судья нашим поступкам.

Художник создаёт целую галерею разных типов русской жизни. Глядя в пол, безнадежно терзает гитару «Гитарист-бобыль»... Умудрённый терпением «Странник», ладно снарядившийся в дорогу, смотрит на нас со спокойным достоинством. Высохший, вымороженный жизнью «Учитель рисования» оставил все свои мечты и желания.

Естественно, что именно Перов написал портрет своего любимого драматурга Островского.

...Большой, беспокойный, очень живой человек упирает в колени руки, готовые к жесту, к движению. Островский смотрит — светит глазами, уверенный взгляд останавливает вас, столько в нём яркости, что его трудно выдержать. Плотный и ядрёный человек излучает неуёмное любопытство, энергию и гостеприимство. Художник представляет нам знаменитого драматурга как натуру сильную и широкою...

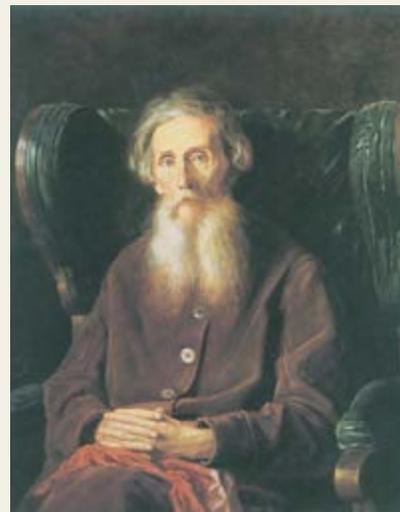
Всего четыре года работал Перов над портретами,

Портрет А. Н. Островского. 1871 г.

Портрет Ф. М. Достоевского. 1872 г.

Портрет В. И. Даля. 1872 г.

Птицелов. 1870 г.

но сумел создать великолепную галерею психологических образов. «Эти все люди живут и дышат», — говорил В. В. Стасов.

Композитор и пианист А. Г. Рубинштейн на портрете работы Перова не только воздействует «гипнозом своей мощной художественной личности», но словно бы изнемогает сам под его бременем, под лавиной музыки. Сидит нервно, руки нетерпеливы, тайное недовольство не даёт ему покоя. Как бы сосредоточивается перед прыжком, перед схваткой.

Особенность Перова-портретиста в том, что не мгновение жизни человека, не движение ума и чувства передавал он, а пронизал всю его жизнь и как бы писал её итог.

...В глубоком кресле, на троне своей старости сидит Даль. Глаза его, «быстрые, пронизательные... стального отлива», светятся — свет

Рыбак. 1871 г.

Странник. 1870 г.

идёт издалека, может быть, ещё от тех дней, когда ездил Даль, Казак Луганский, с Пушкиным по оренбургским степям и когда Пушкин весело надписал ему свои сказки: «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин». Давно это было. Давно умер Пушкин — на руках у Даля, Даль провел у постели смертельно раненного поэта последнюю ночь... Прошли годы. Как славно потрудившийся человек, глядит Казак Луганский на дело рук своих, которые бережно сложил перед собой на коленях. Длинные, «музыкальные» пальцы долгие годы неумоимо водили гусиным пером... Окончен главный труд жизни — Толковый словарь, столь знаменитый словарь Даля и в прошлом и в нынешнем веках. Собраны и изданы русские пословицы, написаны сказки. Как-то Даль сказал: «Назначение человека именно то, чтоб делать добро». Красив и покоен Даль в минуту, когда пришла пора соизмерять намерения, усилия и достигнутое.

Перова часто сравнивали с писателями — властителями умов в XIX веке. Называли то Гоголем, то Достоевским, то Некрасовым живописи. Как бы там ни было, а кисть художника, его взгляды были всегда созвучны темам, всегда волновавшим русскую литературу, потому что темы эти рождала нелёгкая и противоречивая действительность.

Продавец песенников. 1863–1864 гг.

Тук- ТУК

Валерий Ганичев
Художник Е. Чебанова

До войны мы жили в таёжном сибирском селе, которое на ночь запиралось большими воротами из жердей, т.е. недавно срубленных и немного отёсанных деревьев! Зачем? Чтобы ночью не зашли медведи и лоси. Этого при нас ни разу не было, но было немного страшно — а вдруг зайдут? Жили мы в большом деревянном бревенчатом доме. Не то чтобы двухэтажном, но снизу был сарай для коровы и поросёнка. Там жили и куры и, конечно, главным у них был красно-коричневый петух. Красный, потому, что у него красный-красный гребешок — настоящий гребень, а длинные перья были какие-то рыжие, коричневые с фиолетовыми кончиками. Петух к своим курам нас, мальчишек, не допускал, решительно выступая перед ними. Мы его тоже немного боялись — а вдруг начнёт клевать. Стаська, мой старший брат, этого страха не показывал, но петуха обходил стороной. Да, Стаська-то какой уж сильно старший брат: мне-то было почти пять лет, а ему ещё и семи не исполнилось. Но он-то уж точно себя считал старшим и умным, хотя я тоже недавно научился читать.

А в дом наш наверх вела широкая деревянная лестница, по которой мы и проходили в комнаты. Кухня была большая, стол, как и лестница, тоже деревянный. С нами жила тетя Липа. Странное имя, но позднее я узнал, что её зовут Олимпиада, и поскольку выговорить её имя было нелегко, то мы и звали её тётя Липа.

И вот однажды летом, когда мы сели обедать, стали есть окрошку. Ох, и любил я этот суп или похлёбку, сделанную из разных овощей, что были на нашем огороде, да ещё с варёным яйцом, да ещё иногда с небольшими кусочками мяса. Самое главное — окрошка наполнялась кисловатым, пахнущим хлебом квасом. Ох и вкусно!

Ну, мы сидим со Стаськой и, как сказала тётя Липа, «уплетаем» окрошку. Взрослые говорят между собой, а Стаська попугивает меня: «Вот сейчас сюда заберутся какие-нибудь чудовища, или медведь, или какой-нибудь зверь. Ведь ворота-то открыты». Не верю, конечно, но страшновато. И вдруг на деревянной лестнице перед домом раздался таинственный и непонятный звук: «Тук... тук!» Мы со Стаськой переглянулись. Взрослые не обратили внимания. А на лестнице снова: «Тук... тук!» И, кажется, что-то такое или кто-то такой огромный и грозный поднимается вверх. Липа услышала, отложила ложку и с вопросом посмотрела на папу и маму, а на лестнице продолжалось: «Тук... тук!» Храбрый Стаська схватил меня за ногу, испугался. Услышал и папа: «Что там, Фиса?» (Маму звали Анфиса.) Она с беспокойством посмотрела на закрытую дверь, а там: «Тук... тук!» И тут уже испугались все.

Папа стал медленно подниматься, наверное, на нашу защиту. За дверью ещё раз прозвучало «Тук... тук!» и вдруг, в полной тишине, она медленно со скрипом отворилась...

Мы со Стаськой с испугом посмотрели на неё, а оттуда вдруг высунулся симпатичный «пятячок» нашего поросёнка Васьки. Это он поднялся в гости.

Все замерли на какую-то долю секунды, а затем захохотали. «Ишь, окрошки захотел», — вскрикнула Липа и веником выгнала непрошеного гостя.

Вот тебе и волшебный страшноватый звук: «Тук... тук!» А Стаська, да и я тоже, поросёнка чуть за медведя не приняли.

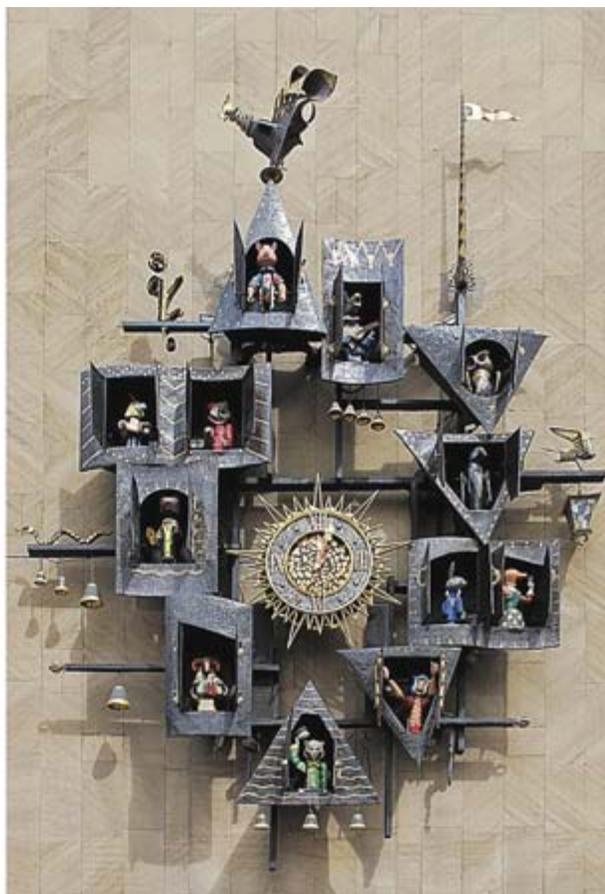

КУКОЛЬНЫЙ

ВОЛ- ШЕБ- НИК

Весеннее майское утро за окошком. Ослепительно-прозрачная голубизна высокого неба над Москвой. Пройдёмся, ребята, по Садовому кольцу? Минуем дворец графа И. А. Остермана. Сейчас в нём расположен музей декоративно-прикладного искусства. Из уютного скверика, окружающего особняк, доносится аромат зацветающей сирени. Мельком бросим взгляд на часы — вот-вот полдень и прибавим шагу. Вы только гляньте, сколько пап, мам, ребятни всех возрастов, задрав головы вверх, смотрят на волшебный циферблат, водружённый на белоснежном фасаде Государственного академического Центрального театра кукол имени Сергея Владимировича Образцова. Сверкают на солнце золотые стрелки и цифры, матово светятся двенадцать железных домиков вокруг.

Водитель троллейбуса явно не торопится уезжать с остановки, делает вид, что с управлением возникла какая-то проблема, а сам улыбается, искоса глядя в окно. Пассажиры не ропщут — прильнули к стёклам. Слышите, петушок хлопает крыльями и три раза кукарекает изо всех своих петушиных сил. Часы бьют двенадцать раз. Открываются дверцы домиков. Один за другим появляются сказочные персонажи в уморительных костюмах. Медведь, козёл, сова, ворона, за-

яц, лиса, обезьяна, кот, баран, поросёнок, коза, волк. Звучит озорная мелодия «Во саду ли, в огороде». Куклы пляшут. Даже мы с вами начинаем невольно пританцовывать на месте. Мелодия заканчивается. Куклы исчезают. Зрители аплодируют. Троллейбус торопливо трогается с места.

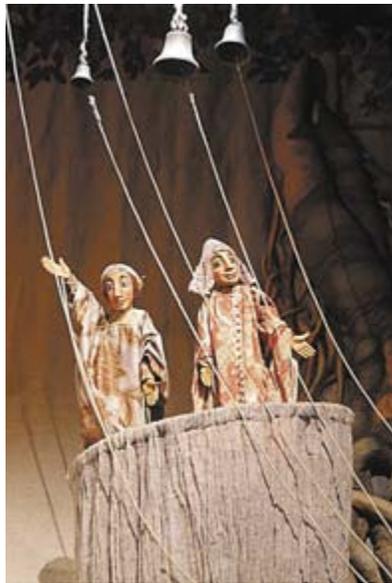
Амы приготовим билеты и отправимся в волшебный мир, именуемый театром. Войдём, ребята, посмотримся. Есть такое крылатое выражение: «Театр начинается с вешалки». С этим здесь всё в порядке. Вокруг полно пуфиков, чтобы зрителю, а особенно совсем маленькому, можно было удобно раздеться. Прямо с порога нас ждёт Музей Театральных Кукол. Пишу об этом с больших букв потому, что, по сути, весь театр является музеем. Куклы везде. Уже в фойе нас приветствует потрясающей красоты металлическая кукла-фонтан. Она движется, сияет. Глаз от неё оторвать невозможно. Огромный китайский дракон, висящий под потолком, подсвеченный изнутри, с доброй улыбкой поглядывает на нас. Вдоль лестниц, ведущих на второй этаж, уютно устроились Солдат и Принцесса. Куклы в буфете, на витринах второго этажа. Глаза разбегаются, голова идёт кругом от такого изобилия чудес...

Пора в Музей, где нам предстоит увидеть куклы, собранные по всему миру. Персо-

нажи Античности, Средневековья, наших дней встретят нас и расскажут об удивительном жанре искусства, именуемом Кукольным театром. Существует версия, что французский президент Пуанкаре подарил для домашнего театра российского царского двора ширму фирмы Гиньоль и несколько кукол. В них играл царевич Алексей со своими сёстрами. Эти куклы очень похожи на членов царской семьи и их окружение. Кукла Капрал — на Николая Второго, кукла Невеста — на его жену Александру Фёдоровну, кукла Арлекин — на Распутина. За стеклянной витриной, задорно подкручивая усы, на нас с насмешкой поглядывают ненужные мушкетёры и герцог Бекингем. Адам и Ева держатся за руки. Сидят себе на облаке, не замечая никого вокруг. Кузнец Вакула, Чёрт, невозмутимый Гурвинок. Куклы, восхищавшие зрителей на сцене в течение многих лет, получили постоянную прописку в музее. Хотите знать, из чего они сделаны? Из папье-маше, мыльниц, банок из-под овощей, поролон, латекса и даже... из пары старых туфель!

Над созданием кукол трудится огромное количество мастеров. Художник делает эскизы. Их передают в мастерские. Внешний вид куклы — лицо, костюмы — забота женских рук. Сложнейшей механикой, позволяющей кукле зажить жизнью человека, животного, любого предмета занимаются мастера-мужчины. А вот на сцене...

Здесь я умолкаю. Потому что главный режиссёр театра Борис Константинов лучше меня знает, что всё, что сотворено мастерами, придумано режиссёром и художником, попадает в руки

актёра-кукольника. Это очень интересная профессия. В своей работе актёр отталкивается от куклы. Её внешности, пластики. Одну куклу могут водить четыре-пять человек. При этом кукла должна дышать, у неё должно биться одно сердце, она должна смотреть своими глазами, а не десятью глазами артистов, которые её ведут. Представьте — пять человек за ширмой и вдруг все решат показать себя с лучшей стороны. Всё рухнет, если каждый из них начнёт солировать. Как говорят на театре, «тянуть одеяло на себя». Представляете, ребята, один начнёт изо всех сил играть кукольной рукой, другой — ногой, третий — головой. Беда. Актёры должны быть единым целым. Они — продолжение куклы. Это как игра на дорогом музыкальном инструменте. С куклой нужно обращаться так же бережно. Теперь присмотритесь, ребята, к одной из старейших кукол музея — Тяпе. На

кого она похожа? Угадали. На Сергея Владимировича Образцова! Он сделал из папье-маше головку этой куклы и сшил ей белую рубашку. Получилась перчаточная кукла-ребёнок. Образцов выходил с Тяпой на эстраду, не прячась за ширму, баюкал своё дитя, пел ей колыбельную, давал пустышку, играл с ней. Это представление имело у зрителей неослабевающий успех, как в нашей стране, так и за рубежом. Кстати, Тяпе далеко за семьдесят. Он участвовал в бесчисленном количестве концертов. Но до сих пор «ребёнок» Сергея Владимировича не нуждается в реставрационных работах, а лицо у куклы такое же, как и много лет назад. Как вы думаете, ребята, в чём тут секрет? Может быть, побывав в этом волшебном музее, вы сумеете его разгадать.

О виртуозных руках Великого Кукольника ходили легенды. Он всё умел выразить любой куклой. Радость, смущение, нежность, обиду, иронию, боль. Его рука с шариком на пальце стала символом театра. Брендом кукольного мирового искусства.

Почему же актёр Второго Московского Художественного театра Сергей Образцов сменил прославленную сцену на ширму кукольника? Что заставляло его колесить сначала на телеге, запряжённой мерином Катером, потом на фургоне по всей России?

Заведующий музеем театра Гордий Дмитриевич Салтыков рассказывает, что в 1922 году Сергей Образцов выдержал творческий конкурс и стал актёром Музыкальной студии Художественного театра. Вскоре ему дали серьёзную роль — церемониймейстера Терапота при

дворе вице-короля в спектакле «Перикола». Работа над ролью не складывалась. Тогда Ксения Котлубай, которая была режиссёром спектакля и видела, как однажды он принёс в театр сделанную им куклу и, сидя в буфете, надавал её на руку и смешил

актёров, предложила Образцову придумать куклу Терапота. Сухого, горбатого и злого старичка, и попробовать с ним репетировать будущую роль. Актёр сделал несколько кукол. Остановились на третьей. Она смешила всех. А текст персонажа произносила лучше самого исполнителя. Кукла помогла начинающему актёру. Это вдохновило Сергея Владимировича. Молодой артист МХАТа начал появляться на концертах с маленькой портативной ширмой, из-за которой забавные куклы в его

искусных руках проделывали настоящие чудеса. Аудитория буквально стонала от хохота, когда эти куклы исполняли старинные романсы, оперные арии, всевозможные пародии и интермедии. Это было смешно, остроумно, талантливо.

В 1931 году Дом Художественного Воспитания Детей выступил с инициативой — создать в Москве Академический Центральный Театр кукол. И возглавить его предложили Сергею Образцову. Его коллектив из двенадцати человек стал выпускать по две, три постановки в год. За несколько лет театр стал до того популярным, что в 1937 году правительство предоставило ему помещение на площади Маяковского. А в 1970-м году театр получил новое здание на Садовом кольце, архитектурный комплекс который по сей день является эталоном стационарных кукольных театров мира. Это действительно мировой центр с двумя зданиями на Садовом кольце, тремя сценами. В нём самая полная, единственная в России библиотека, где собрана вся известная литература о куклах...

Рассказ Гордия Дмитриевича прерывает третий звонок. Пора, ребята, в зрительный зал на встречу со сказкой: «Аленький цветочек».

Усаживаемся на свои места. Гаснет свет. Звучит музыка. Не забудьте выключить свои мобильные телефоны. Начинается волшебное действие...

В детстве я обмирал от страха, читая эту сказку. Помните её сюжет? Не думала, не гадала младшая дочь купца — Настенька, чем обернётся просьба привезти ей в подарок Аленький цветочек. Привёз батюшка цветочек, краше которого не было на свете. Но какой страшной ценой он ему достался. Дал купец честное слово, что пришлёт вместо себя одну из дочерей. А не захотят они — сам воротится на расправу к Чудищу лютому за то, что без его ведома цветочек сорвал. Отказались старшие дочери выручать отца, только младшая, любимая, согласилась.

Но, когда занавес открылся, мои детские страхи улетучились. Почему?

В спектакле режиссёра-постановщика Бориса Константинова отец Настеньки не собирается отдавать своего ребёнка Чудищу. Возвращается только для того, чтобы вручить дочерям подарки, благословить, обнять их в последний раз. И в обратный путь. Но Настенька без раздумий бросается навстречу опасности. Это главная тема спектакля — готовность пожертвовать собой ради любимого отца.

В сказке Аксакова Чудище не предстаёт перед Настенькой добрым и ласковым существом. Режиссёр показывает зрителю, за что девушка его полюбила. В его постановке Чудище печален, одинок и обаятелен. Маленькому зрителю он нравится. Ребёнок не боится его, жалеет его, симпатизирует ему.

Сначала режиссёр с художником Виктором Никоненко хотели сделать Чу-

дище огромным и вездесущим, то тут, то там должны были появляться только глаза и когтистые лапы. Потом решили сделать основной акцент на его прекрасные и печальные глаза.

Интересный поворот, не правда ли, ребята. А те-

перь представьте, что вы заглянули в «калейдоскоп» и стали потихоньку вращать его. Оторваться невозможно. Рисунки не повторяются. То же самое происходит на сцене. Актёры и куклы звонят в колокола, поют и играют на старинных музыкальных инструментах. Плывут по синему морю купеческие суда. В волшебном мире заколдованного сада порхают стаи разноцветных бабочек, к заброшенному фонтану приходит напиться семья оленей. Сорвал купец цветочек — гремит гром, неистовствует буря, полыхает молния...

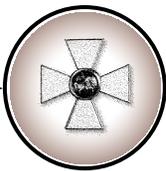
Исидишь, вжавшись в кресло, задыхаясь от восторга, волнения, счастья, радуясь встрече с добром, нежностью, красотой. С любовью, которой подвластно всё не свете.

А завершить наш совместный поход мне хочется рассказом об идее «Бэби-театра», которую воплощает

в жизнь Борис Константинов. Это театр для зрителей от нуля до трёх лет. Но разве младенец в состоянии усидеть на месте долгое время? Поймёт ли он вообще что-нибудь? Верно. Но Бэби-театр создают для того, что бы он развивал у детей по-

требность к позитивному познанию и восприятию мира. Он должен стать для детей клубом по интересам. Родители увидят, как дети ведут себя в непривычной обстановке, в незнакомом окружении. Театр придуман для свободного общения во время спектакля. Хотят — посмотрят на сцену, не захотят — не надо. Они могут вообще ничего не запомнить из увиденного. Главное, чтобы они потянулись друг к другу.

Проверьте-ка, ребята, это на деле. Уговорите мам и пап сходить с вами на спектакль «Гулял по улице щенок», который, на мой взгляд, просто создан для подобного общения. Только составить вам компанию я уже не смогу. Вечером иду на знаменитую постановку Образцова, — на «Божественную комедию». Этот спектакль для взрослых, вас пока на него не пустят. Но у вас, ребята, всё впереди.

Даром

— Вода — большая! Какая большая вода! — с чувством повторяла мама. Мы с Серёжкой переглянулись. Что маму так встревожило? За окном мягко скользящего автобуса — тянулась безмятежная гладь водохранилища. Мы с братом рады были этой поездке и этой красоте. Мама редко выбиралась с нами за город. «Я — городская, — частенько твердила она. — Вы уж с папой...»

Да мы и так... За грибами — с папой, на речку купаться — с папой, на лодке в пруду кататься или на качелях в парке качаться, книжки читать — тоже не с мамой. Она целыми днями пропадала в школе. Наверное, тысячу детей выучила, а может, и больше. А нам, её детям, хотелось простого с нею общения, и конечно же безраздельного. Или — мы, или... Когда мы поехали в Углич (на целых два дня!), в Дом отдыха — это была наша маленькая победа. Решено: и купаемся, и загораем, и в музеи ходим, и книжки читаем только с мамой. Мы ни разу не были в известном старинном городе. Хотя, помнится, мама порою что-то рассказывала о нём. И старшие братья кое-что поведали младшим об увиденном ими не раз. А тут такое приключение! И с мамой!

— Кремль посмотрите, кремль! Это — главное! Про остальное мама в автобусе расскажет, — отмахивались братья от наших всяких многих-многок «как», «где» и «почему».

Слушать маму — одно удовольствие, рассказчица она — отменная. Но сегодня

Строительство переправы

она всё время сбивается, запинается. И опять с какой-то тоской говорит о большой воде. Но мы уже с братом Серёжкой слушаем маму вполуха — и вот уже несёмся к берегу наперегонки, на ходу скидывая одежду...

Мы барахтались в воде, а мама сидела на покатоном зелёном берегу и читала книгу, поглядывая на нас. Когда раздались истошные крики играющих на мелководье карапузов, она первая подскочила к детям и подхватила малышей на руки. Я же и мой брат Серёжка наслаждались купанием, ведь нас младенческие крики не касались. Когда мы проголодались да умаялись, вспомнили про маму. Её на прежнем месте не было. Она почему-то стояла высоко на берегу и плакала. Как же так!.. Маме плакать не положено! Родите-

ли не плакали никогда! На все расспросы мама слабо махнула рукой и повела обедать.

Вечером, налюбовавшись кремлём, побывав в большом музее, мы всё-таки стали торжественно поздравить маму:

— Почему ты не плавала? Почему ты плакала? Почему ты не веселишься с нами?

— Как так вышло, — задумчиво проговорила мама, — что путёвки в Дом отдыха дали именно сюда. Понимаю: я бы всё равно рассказала про паром, но попозже... Ваши старшие братья уже знают эту страшную историю... Что ж, выходит, и вам придётся узнать её. Ну, так слушайте.

* * *

...Это было начало войны. Ваш папа ушёл на фронт, а я с тремя маленькими детьми, вашими старшими братьями и се-

строй, с бабушкой осталась в Угодском Заводе. Когда фронт приблизился и фашисты прорвали оборону, началась спешная эвакуация семей фронтовиков с детьми. Выдали пропуска на паром, потому что железнодорожную станцию прицельно обстреливали вражеские орудия. Собрал два узла с вещами, мы побежали к причалу. Там уже шла посадка на паром — спокойно и деловито. И в одну минуту вдруг всё изменилось: люди, услышав грохот канонады, оттеснили охрану и бросились к единственному спасению, парому.

— Сажаем на борт только женщин с детьми! — кричал уставший красноармеец. Но страх пленил слабых людей — и началась паника. В этой панике нас тоже оттеснили далеко в сторону. Паром тяжело осел — и трап пришлось убрать.

— Вот наш пропуск!.. — кричала я, протираясь на причал. Но паром качнулся и медленно отплыл от берега.

Плакала бабушка, плакала я, ваша мама, плакал шестилетний Валера, плакали трёхлетняя Рита и годовалый Саша. Вдруг из-за облака вынырнул самолёт с чёрными крестами на крыльях и спикировал на паром. Взлетел фонтан воды... Ещё — фонтан... Кто-то сорвал блузку и стал ею размахивать, мол, здесь дети и женщины!.. Но фашист не унимался: обстрелял из пулемёта и косогор, на котором столпились люди, ждущие ещё один рейс парома.

— Бегите под деревья, ложитесь! — кричал охрипший красноармеец — дежурный по причалу.

Все бросились на землю. Я, помню, шептала маленькому Саше: «Тихо, тихо!» Как будто вражеский лётчик мог слышать его плач. А потом мы увидели, что паром, который был уже посередине водохранилища, страшно накренился и погружается в воду. А вместе с ним, понятное дело, и люди...

Очнулась я дома. Оказывается, меня оглушило взрывом бомбы, и я потеряла сознание. Бабушка потом рассказывала, как всех пострадавших на берегу на деревенской телеге развозили по укрытиям — долговязый запылённый красноармеец с забинтованной рукой и два каких-то старика. И назвался боец тот кому-то то ли Колей, то ли Толей... А уж сказал ли он командирам своим, что подбил из установленного на тачанке пулемёта летающего фашистского изверга, про то, золотые мои, не знаю...

Захватчики так и не взяли Углич. Их остановили наши герои, а потом и вовсе прогнали с родной земли!

...Да, война для нас была раньше только в кино. А теперь вот она ожила и в этом мамином рассказе. Мы с Серёжкой притихли. Как успокоить и утешить маму? Мы вдруг увидели маму та-

Фашистский лётчик бомбит мирные территории

кой молодой, такой беззащитной! А мама посмотрела на нас, на безмятежную гладь водохранилища, на «большую» воду, и сказала отчётливо и негромко:

— Больше войны не будет ни-ког-да!

* * *

Это единственное, что мама захотела рассказать нам о давней незабываемой военной поре. Все остальные тыловые истории не в счёт.

Давно уж нет на белом свете наших родителей. Давно мы, их дети, и довоенные и послевоенные, пересказываем уже своим детям и внукам фронтовые были отца и эту — почти что обычную в лихую годину Великой Отечественной войны — житейскую историю. Давно вместе и поодиночке со слезами на глазах вновь и вновь переживаем драму, очевидцем которой некогда случилось быть и нашей маме, двадцатисемилетней женщине с тремя малыши детьми на руках. Увидишь такую мамочку на аллее парка сегодня и невольно подумаешь: «Так молода! И... до чего же смела! Троих растит! И всё ей нипочём...» И ещё, может быть, подумаешь о пути, ей предначертанном, принакрытом пока туманом завтрашнего дня...

ИЗ ОГНЯ...»

*...Подходят тучи, как пехота,
От моря серою волной.
И шпарит, как из пулемета,
По крыше дождик проливной.*

После войны он полностью переходит к творчеству, у него выходят книги, его имя становится известным, и не только в Ленинграде. Лучшие фронтовые стихи выходят в книге «Переправа», публикуются сборники «Считайте меня коммунистом», «Мосты. Стихи из Европы», «До востребования».

Наряду с творческой работой Михаил Александрович в эти годы подставляет свои плечи под насущные проблемы как литературы, так и страны в целом. Несколько лет он активно трудился в Ленинградском комитете защиты мира, был инициатором создания «Зелёного пояса славы», немало сил и времени тратил на деятельность в Союзе Писателей СССР, — будучи все эти годы примером максимально ответственного отношения как к творчеству, так и к любой значимой обществен-

ной работе. Да и школа жизни, что накрепко переплелась с воинской судьбой, — не давала отступать в самых важных вопросах.

Однако и творчество не оставляло душу поэта. Всё чаще стали появляться лирические стихи, открывая новые грани его поэзии.

Одна за другой выходят его новые книги, растёт популярность, приходит настоящее мастерство, и Михаил Александрович заслуженно награждается званием Героя Социалистического Труда, а несколько позднее, в 1981 году, — лауреата Государственной премии СССР за циклы стихов «Седое сердце», «Дерево для аиста», «Полярный круг» и другие. А до этого, в 1972 году, высоко оценена книга стихов «Время» и поэту присуждена Государственная премия РСФСР имени М. Горького.

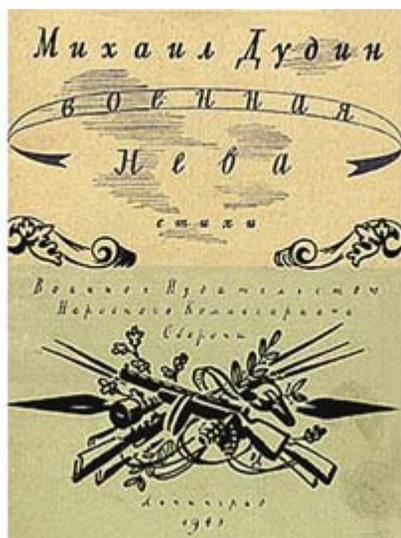
Немало усилий приложил Дудин, чтобы организовать знаменитые ныне Пушкинские поэтические праздники, прохо-

М. Дудин. Военные годы

дящие в Михайловском Псковской области. И потому не случайно он стал почётным гражданином Пушкинских гор, чем очень дорожил и гордился.

А в творчестве нет-нет, да и слышалось эхо давних военных лет. Забыть их — значило для Дудина изменить себе, своим идеалам, памяти павших. В следующем стихотворении видно, как естественно для автора видеть и второй, и третий план на первый взгляд абсолютно мирного эпизода.

СКАЗКИ

Павел Гусев

Художник Г. Лопачёва

Мама

Кошка Мурлыка гуляла по двору и увидела: лежит странный комочек. Он шевелится и пищит. Поглядела она на него внимательно, а это оказался маленький котёнок. Шерстка у него была грязная, и пищал от того, что был голоден.

Наверное, он потерялся, подумала Мурлыка. Возьму его к себе — и она схватила его за холку и принесла домой. Котёнок сразу молочко из блюдечка вылакал и лёг на подстилку. Мурлыка решила: «Ну, куда он, такой маленький, пойдёт. Буду его воспитывать кошачьим манерам, может, так котиком станет».

С этого дня Мурлыка стала его обучать кошачьим премудростям и научила мурлыкать: «Мр-р! Мр-р!» — и говорить: «Мя-у!»

Может, он и стал котиком, если бы не заболел у него зубик и он не заскулил:

— И-и-и!

Мурлыка ему советует:

— Тебе надо косточку погрызть, и боль пройдёт!

Она знала, у собачек это бывает, когда зубики растут. Подошёл котёнок к Оле — она была хозяйкой у Мурлыки, а теперь и его — и промяукал:

— Мяу! — попросил — Дай косточку!

Оля удивилась — у неё Щенок замаякал — и говорит ему:

— Вот тебе косточка, но знай, ты собачка и в следующий раз лай вот так: «Ав!»

— Ав! Ав! — громко радостно загавкал он, даже про косточку забыл.

На шум прибежала Мурлыка и призналась:

— Я знала, что собачка, но тебе не говорила об этом, думала, уйдёшь от меня.

— Ни за что! Никогда! — воскликнул Щенок, прижался к Мурлыке и тихо ей сказал: «Ты же моя ма-ма!»

Талантливые друзья

Однажды на полянке возле клевера с красными шапочками встретились Зайчик и Черепашка. Они мирно ели сладкие цветочки, и никто никому не мешал, и наелись досыта. Это отношение друг к другу им так понравилось, что кто-то из них сказал:

— Мы так хорошо, спокойно поели и не поссорились из-за какого-то клевера, значит, мы можем дружить!

Не важно, кто это произнёс, это было давно, и они сами этого не помнят. А вот Черепашка тогда ответила:

— Я согласна иметь такого спокойного друга, с которым можно гулять, разговаривать весь день.

— Я тоже этому рад, — весело воскликнул Зайчик, и он от радости перепрыгнул через кочку. Черепашка тоже хотела повторить это. Разбежалась, как ей это показалось, да только в кочку головой ударилась, стоит не отдышится.

— Прыгай! Прыгай! — подбадривает её Зайчик.

— У меня, как у тебя, не получается. Я могу только медленно идти, вернее, ползти, — огорчённо отвечает черепашка.

— Ты не огорчайся — успокаивает её Зайчик. — Я сам могу только прыгать, а ползать, как ты, не умею.

— Это правда? — удивилась Черепашка.

— Да! — подтвердил Зайчик.

— Значит, у нас у каждого есть свой талант, — радостно воскликнула Черепашка. — Ты умеешь прыгать, а я ползать.

— И нашей дружбе это не помеха — ответил Зайчик и весело стал прыгать. Прыг! Скок!

А черепашка не спеша поползла за ним и всем, кто встречался ей на пути — бабочке, кузнечичку, стрекозе — она радостно говорила:

— У меня есть друг, он умеет прекрасно прыгать, а вот ползать, как я, не умеет!

Екатерина Полумискова

Мстислав Храбрый

Песнь пояше... храброму
Мстиславу, иже зареза
Редедю предъ пълкы ка-
сожъскими.

Слово о полку Игореве

— Эй, князь! Выходи биться со мной один на один! А? Что скажешь? Если ты победишь, мои воины уйдут, а если я — тогда ноги твоей не будет на этой земле! Ни-ког-да!

Слова знатного касожского воина, горцевавшего на горячем гнедом аргомাকে, покрытом красной попоной, едва долетали с противоположного берега реки. С ним был ещё десяток всадников, вооружённых до зубов, разодетых в сверкающие на закатном солнце кольчуги и медные конические шлемы. А поодаль, почти у самого горизонта, подняв тучу пыли, к берегу двигалось

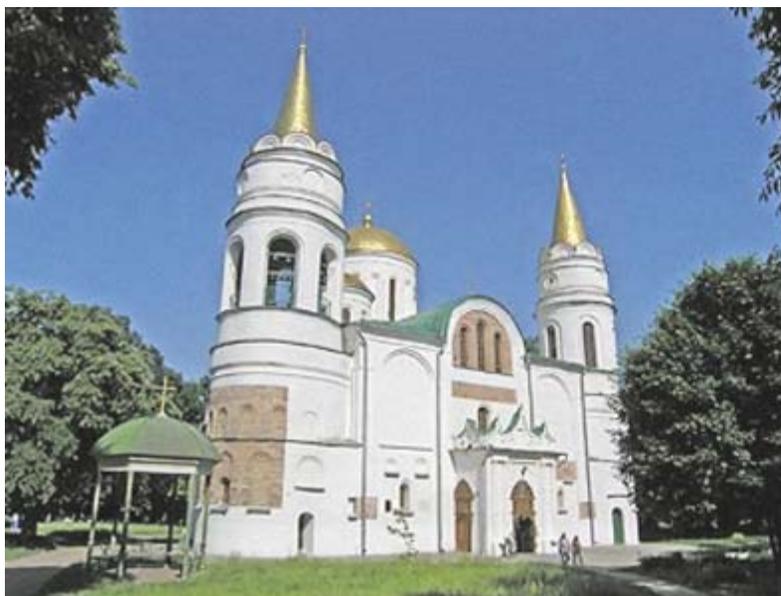
Затмение. «Слово о полку Игореве». Художник В. Фаворский

объединённое конное войско алан и касогов. Через час они будут здесь и остановятся на ночлег, а на заре перейдут реку Маныч и окажутся на земле Тмутараканского княжества. На русской теперь земле.

Князь Мстислав Владимирович, прозванный Храбрым за удаль и смелость свою, силу и доблесть воинскую, восседал на игреневом скакуне и молча исподлобья смотрел прямо перед собой, будто не слыша этих дерзких выкриков.

— Дозволь, княже, мне стрелой его достать, чтоб не изголялся. — Рыжебородый

Спасо-Преображенский собор в Чернигове, построенный Мстиславом

Икона Мстислав Храбрый. 1672 г.

ратник подъехал вплотную к князю и вскинул лук.

Заметив этот жест, трое касожских воинов вмиг закрыли круглыми щитами повелителя, а один из его спутников хлестнул коня и направился прочь, навстречу медленно приближавшемуся, но пока едва различимому вдалеке войску.

— Постой, Егорий, я узнал его, это Редедя, великий князь касожский, давно не встречались.

Мстислав снял шлем, и на плечи его упали золотые кудри, чуть с проседью, но такие же густые и вьющиеся, как в молодости, когда нынешние враги впервые свиделись.

А было это более пятнадцати лет назад, на свадьбе, в гостях у аланского князя. Он выдавал замуж сразу двух своих дочерей. Одну, старшую, за Редедю, а другая, младшая, досталась ему в жёны — молодому русскому княжичу, усмирившему в битве алан. Договорились, что княжна будет венчаться по христианскому обычаю и отправится с мужем в столицу Тмутаракани. Аланы забудут дорогу в русские земли, а русичи не станут искать ни дичи, ни добычи, ни каких других дел и забав на этом берегу.

Решилось тогда всё очень быстро. Свита Мстислава с коней спешила, девицу сопровождали к главному храму, что на берегу Кубани возвышался, у самых предгорий Кавказа. Под сводами святыми взглянул князь на невесту свою и обомлел — до чего же хороша княжна аланская. Косы смоляные почти до пят, очи карие с поволокой из-под пушистых ресниц, как звёзды, сия-

ют, строго и серьёзно. Брови густые, изогнутые, словно крылья летящей ласточки, что перед грозой, как молния, пронзает небо над степью. А стан её, будто стройное дерево. Обтянут бархатными одеждами да поясом серебряным схвачен. И тончайший белый шёлк голову покрывает, словно корона цветущей черешни — от дуновения ветерка чуть подрагивает. Простые воины во время венчания за стенами храма простояли вместе с родичами княжны, а потом снова вскочили на коней и разъехались в разные стороны.

Княгиня Тмутараканская Анастасия, супруга Мстиславова, рука об руку с мужем верхом день и ночь скакала — ни слова про усталость не вымолвила. Посмотрит на князя звёздными глазами своими да коня прищпорит. Как стали реку вброд переходить, остановила она скакуна, обернулась туда, где осталась за горизонтом её родная земля аланская, затем поводья тронула и взор потупила. Больше никогда не смотрела в ту сторону. Так и прожили они душа в душу. Народились у Мстислава двое ребятшек — сын и дочь, погодки, Евстафий и Татьяна. А княгиня всюду за князем следовала. Вот и нынче в шатре своём ждала терпеливо, когда он со свитой из дозора возвратится.

Задумался Мстислав над словами Редедиными. Войско теперь у касогов сильное, аланы примкнули к нему и не отступятся. Позабыли они мечи русичей, повергнувшие их. Да и вызов не принять не может он. Что отказать в поединке, что проиграть — всё одно. Ровно тридцать лет назад, когда он ещё мальчишкой десятилетним был, отцу

его Владимиру Красное Солнышко печенежский хан предложил сразиться. «Выпусти, — говорит, — своего воина, а я своего, пусть борются без оружия. Ежели твой моего оземь бросит, то три года воевать не будем. А ежели твой воин на земле окажется, то разорять вас будем три года, и мира не жди». Отец разослал по лагерю гонцов в поисках добровольца, однако с печенежским богатырём никто не отважился выйти на поединок следующим утром, так велик ростом и могуч телом оказался этот печенег. Тогда из русского стана вышел какой-то старец и сказал князю Владимиру:

— Княже, есть у меня дома меньшей сын. Я пришёл с четырьмя старшими, а он дома с матерью остался. Так отродясь его ещё никто оземь не бросил. Дозволь послать за ним.

Удивился Владимир, велел послать за молодцом. А Мстислав тогда поблизости оказался. Ходил неотступно за отцом, боялся что-нибудь пропустить.

Прибыл юноша в княжий стан и назвал-ся Яном Усмарем. Услыхав, зачем князь его звал, промолчал боец, но всё же согласился выйти на поединок. Окружили воины соперников, и когда печенежский богатырь вступил в круг и увидел, с кем ему предстоит бороться, то рассмеялся в лицо ему, ибо русич неказист на вид был, среднего роста, и выглядел вполтину меньше печенега. Однако, когда соперники сошлись и обхватили друг друга руками, Ян Усмарь удавил печенега до смерти, а затем, подняв над собой, бросил его на землю. Русские воины, вдохновлённые неслыханной победой, с боевым кличем ринулись на печенегов, а

«Славянская быль». Художник Б. Ольшанский

Единоборство Мстислава с Редедю

«Битва». Художник П. Рыженко

те, не выдержав натиска, обратились в бегство. Мстислав с тех пор только и думал, как стать таким же сильным да удалым, как тот молодой русич-богатырь. Как-то раз встретился княжич с силачом Яном и спросил, откуда сила такая взялась у него. Богатырь обнял Мстислава за плечи и сказал, что призывает он в трудный час на помощь Владычицу Небесную, Богородицу. И победу над врагами посвящает славному имени её. Но об этом никому не рассказывает, только ему, сыну Владимира, великому князю, поведал секрет сей.

И вот теперь Редедя бросил ему вызов, отказать от которого он не может и не должен ни при каких обстоятельствах. Да и не зря же на Руси прозвали Мстислава Храбрым.

А касог не унимался. Тоже шлем с головы стащил, чуб рыжий по ветру развеивается, борода курчавая на солнце красной медью отликает:

— Эй, князь, будешь биться со мной — по обычаю нашему, без оружия? Или вместо себя кого поставишь? Ежели проиграет мне воин твой — убью его рукой своей, пойду на Русь войной, княгиню твою себе возьму, твою дочь сыну своему в шатёр на забаву отдам. А твой сын будет до скончания века у моего сына за стремяна держаться да за конём его ходить.

Вспыхнули гневом очи князя. Надел он шлем на голову, вынул меч из ножен и поднял над головой. Воцарилась тишина. Тогда князь крикнул, да так грозно, что лошади захрапели и забили копытами, словно от рыка дикого барса. Любил с детства Мстислав рассказы про деда своего, князя Святослава, и ни в чём не хотел уступать ему — ни в умении ратном, ни в силе, ни в беспощадности к врагам.

— Слушай меня, Редедя! Я буду биться с тобою сам, завтра на восходе. Пусть даже по обычаю твоему — без оружия, без доспехов. Ты уже сказал, что за победу свою возьмёшь. Но ежели я тебя одолею и брошу оземь, то не поднимешься ты после этого. Я убью тебя перед воинами твоими, но детям твоим не будет позора. Сыновья твои станут мне сыновьями, буду крестить их по нашему обычаю, а старшего сына твоего женю на дочери своей, и воинов твоих тоже возьму в дружину свою.

— Не бывает тому! — воскликнул Редедя, поворотил коня и пустился галопом прочь от берега к касожскому стану.

Мстислав же поехал в свой лагерь и направился к шатру Анастасии.

Здравствуйте, уважаемая Детская «Роман-газета»!

В 2013 году, в № 11, в Вашем журнале, были опубликованы мои рассказы. Теперь посылаю Вам свои стихи.

Я из города Стерлитамак Республики Башкортостан, мне уже 14 лет, я член детско-юношеского литературного объединения «Родник» при «Дворце пионеров и школьников им. А. П. Гайдара» в родном городе.

В 2016 году заняла 1 место на VII городском конкурсе юных поэтов, прозаиков и журналистов «Рыцари Золотого Пера-2016» в номинации «Свободная» (поэзия, 5–8 классы).

С уважением, Тузбекова Карлугас, 14 лет, 9 класс, детско-юношеское литературное объединение «Родник», «Дворец пионеров и школьников им. А. П. Гайдара» (г. Стерлитамак), Педагог: Ариткулова Гузалия Рифгатовна (Гуля Риф)

УНЫЛЫЙ ТРАМВАЙ

Я провожаю стеклянным взглядом сутулый трамвай.

Этой зимой под стеной снегопада согреет лишь чай.

Руки замёрзли, и ноги ослабли, холод берёт

При мысли, что там, по бескрайней дороге, никто не идёт.

Медные листья ветер уносит в неведомый край, задребезжали уныло колёса — а вот и трамвай.

РАДИО ГОРОДА

Бегут по дороге автобусы ловко, колёса под ними шуршат, собирая людей на всех остановках, по маршруту — вперёд и назад.

Людей просвещает из радио голос, даёт пешеходам урок, своими словами вселяет он тонус — «Внимание возле дорог!»

УСТАЛЫЙ БАННЕР

Погас в квартирах дома свет, и ни людей, ни птиц нет рядом — один лишь уличный портрет на город смотрит грустным взглядом.

И днём и ночью он стоит, как сторож в середине парка...

Устал уже рекламный щит быть городской торговой маркой.

Наш ВЕРНИСАЖ

1

2

3

Работы учащихся ЮАО, ГБУК г. Москвы «ЦК и С», Филиал № 1 Студия ДПИ «Родничок»

1. Колыванова Настя
2. Ефименко Мария
3. Власова Полина
4. Жукова Софья
5. Сашина Мария
6. Поворова Юлия

4

5

6

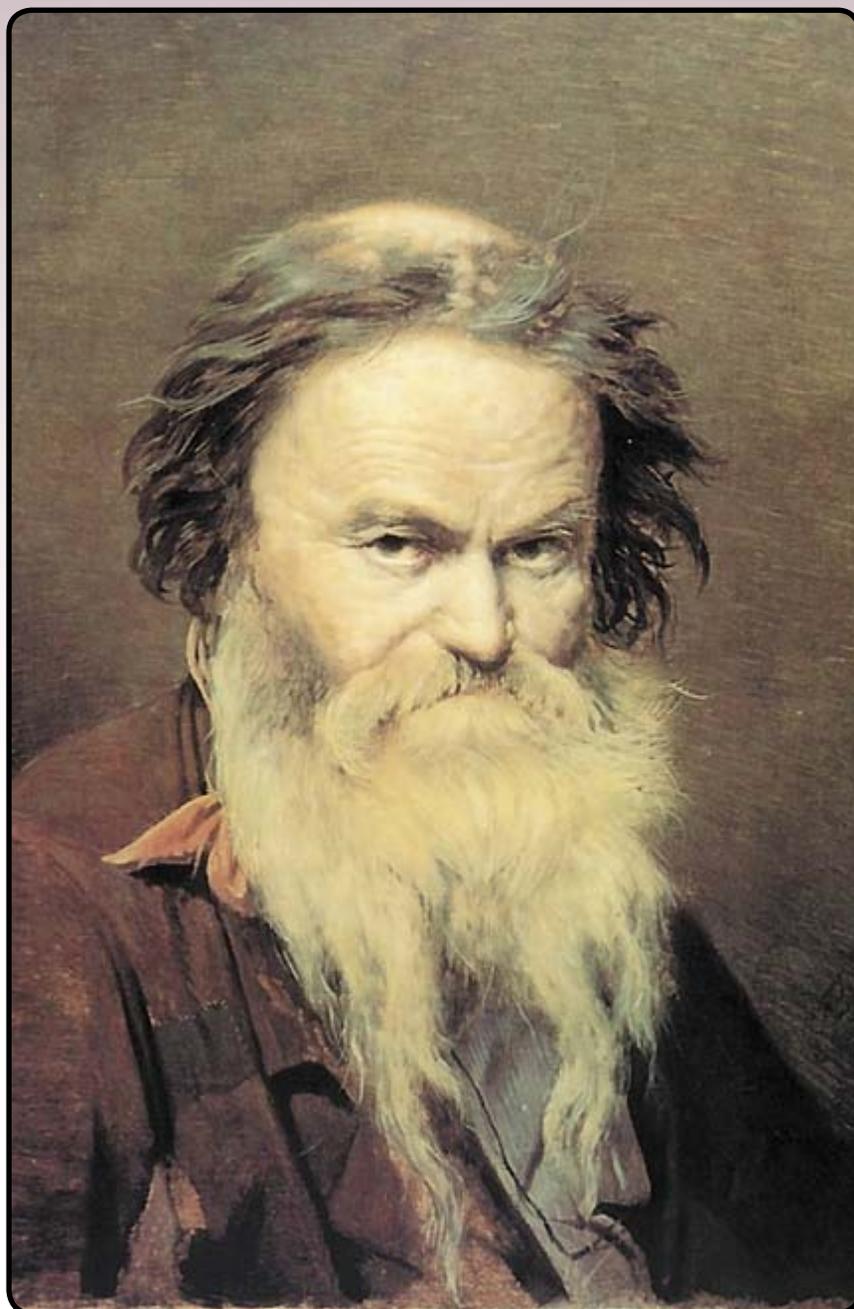

ЖИВОЙ УГОЛОК:
Тук-тук

«Настроение Перова было глубоко серьезное. Он мало был склонен расплываться в красивых и сладких ощущениях. Он был полон негодования на то, что видел, его волновали до корней души целые толпы русских типов и личностей, постоянно везде стоявшие около него, его потрясали сцены и события, около которых слишком многие проходят не замечая. У него натура была одной породы с Гоголем, у него тоже были две главные ноты: юмор и трагедия... У него и люди, и сцены, и лица, и тела были живые копии с того, что в самом деле есть на свете».

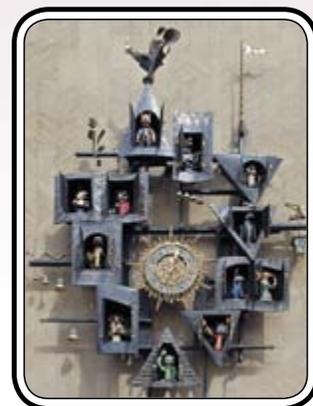
В. В. Стасов

В. Перов. «Фомушка-сыч». 1868 г.

ИМЕНА:
Михаил Дудин

ДРАМКРУЖОК:
Кукольный волшебник

**СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТИШЕК,
 СЕСТРЁНОК И БРАТИШЕК:**
Мама